

УДК 130

doi: 10.32620/gch.2019.1.05

Качуров Е. В., Качурова С. В.

ДЕФОЛТ ИДЕОЛОГИЙ

У наші дні поняття ідеології обрамляють два визначення. З одного боку, її оголошують «хибною свідомістю» (К. Маркс); із другого – «освіченою хибною свідомістю» (П. Слотердайк). Це дослідження доходить висновку, що причиною такої дивної, у розумінні оксюморона, зміни первісного змісту ідеології є історія її взаємин із феноменологією, що триває понад століття. Крім того, як стане ясно з поданої роботи, протягом цієї історії істотно змінилася й сама класична філософська наука про свідомість. Виявити основні етапи цих метаморфоз – наше основне завдання.

Ключові слова: ідеологія, феноменологія, детектив, наївна свідомість, дефолт, цинізм.

Nowadays, the concept of ideology is framed by two definitions. On the one hand, it is declared «false consciousness» (K. Marx); on the other hand, «enlightened false consciousness» (P. Sloterdijk). This research concludes that the reason for such a strange, in the sense of an oxymoron, change in the original meaning of ideology is the history of its relationship with phenomenology that lasts for more than a century. In addition, the presented work is going to clarify that in this context the classical philosophical science of consciousness has also changed significantly. Therefore, our main task is to identify the main stages of these metamorphoses.

Keywords: ideology, phenomenology, detective, naive consciousness, default, cynicism.

В наши дни понятие идеологии обрамляют два определения. С одной стороны, ее объявляют «ложным сознанием» (К. Маркс); с другой – «просвещенным ложным сознанием» (П. Слотердайк). Данное исследование приводит к выводу, что причиной столь странного, в смысле оксюморона, изменения первоначального смысла идеологии¹ является длящаяся более столетия история ее взаимоотношений с феноменологией. Кроме того, как станет ясно из представленной работы, по ходу этой истории существенно преобразилась и сама классическая философская наука о сознании. Выявить основные этапы этих метаморфоз – наша основная задача.

Ключевые слова: идеология, феноменология, детектив, наивное сознание, дефолт, цинизм.

Они не сознают этого, но они это делают [19, с. 84].

Они отлично сознают, что делают, но, тем не менее, продолжают делать это².

«Криминальный роман» феноменологии и идеологии. Вначале ничто не предвещало осложнений в отношениях между двумя «логиями»: феномена и идеи. До

1 Определение идеологии через «совокупность системных упорядоченных взглядов, выражающей интересы различных социальных классов и других социальных групп...» не будет нами рассматриваться вообще, так как в нем отсутствует указание на отличительную характеристику текущей эпохи.

2 «Формула, предлагаемая Слотердайком», – С. Жижек [7, с. 18].

сих пор поражает исходное единство их предмета, структуры и задач¹. И возникли они почти одновременно, и заняты были одним и тем же – бытием сознания². Это – тот самый «возвышенный» (С. Жижек) объект идеологии, которым в равной степени также была занята еще и философская дисциплина, носящая название «феноменология». Правда, занимались они этим самым сознанием по-разному.

Феноменология, будучи дочерней специализацией философии, пыталась ответить на вопрос: «Что это такое – сознание?» Иными словами, она хотела просто понять его. Идеология же, имея в прицеле социальную практику (политику), претендовала на иное. Она попытаться влиять на это самое сознание, изменять его по своему замыслу³.

Казалось, что и при таком распределении ролей все могло бы быть хорошо. Так же хорошо, как в четко налаженном производстве, когда одна сторона, теоретическая, могла бы готовить идеальные образцы для последующего применения второй, практической⁴. Так же хорошо, как в любовном романе, когда трогательные и нежные отношения продолжают бесконечно долго, успешно преодолевая все жизненные передраги. По крайней мере Гегель, один из основателей классической феноменологии, упоминая, насколько нам известно, лишь один раз слово «идеология», не вкладывал в него никакого негативного смысла [4, с. 665].

Могло бы все обойтись хорошо, да вот не обошлось. После Второй мировой войны, когда полностью определились три крупнейших направления современной идеологии (и не только определились в теории, но вдобавок еще и столкнулись в историческом бытии [17, с. 31]), всем стало ясно, что что-то пошло не так. Что-то в их отношении стало напоминать не «любовный», а «детективный» роман. От их союза повеяло криминальным «душком». Идеология получила обвинение в совершении самых страшных преступлений против человечества. Феноменология же, что еще хуже, была названа идейным вдохновителем и организатором упомянутых злодеяний. Дефолт⁵ идеологии, то есть невозможность выполнения ею взятых на себя обязательств, быть может, самое яркое явление современности! Ответ на вопрос: «Как могло такое произойти?» – стал главной проблемой для всякого исследования, желающего найти существенную черту, или, как говорил Гегель, «шиболет времени»⁶.

Шиболет⁷ нашей эпохи. Для ответа на него сначала сложим основные «пазлы» развернувшегося на целое столетие «криминального романа» феноменологии и

1 Для сравнения можно взглянуть хотя бы в содержание «Основ идеологии» де Трасси (1800) и «Феноменологии духа» Гегеля (1807).

2 Хотя в немецком варианте, как заметил Гуссерль, «всякое сознание есть “сознание о”» (“Bewusstseins von”») [6, с. 12].

3 В этом смысле 11 тезис о Фейербахе К. Маркса суть настоящий манифест идеологии.

4 И это, конечно, при совершенно благих намерениях и к всеобщему счастью человечества!

5 Сейчас все чаще смысл этого понятия перешагивает границы чисто финансовых отношений. Его применяют к нравственности, личности и т. д.

6 Тогда он эту черту видел в ином. Шиболет времени составляет, по его мнению, «глубокая противоположность между философией и религией» [5, с. 231].

7 Или шиболёт (ивр. שִׁבּוּלֵט, «колос» или «течение») – библейское выражение, здесь используется в смысле «метка», «опознавательный знак». Например, М.Ю. Лермонтов характеризует Печорина так: «Герой Нашего Времени... точно портрет, но не одного человека: это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии». Этот персонаж нельзя назвать положительным или отрицательным. Он, скорее, типичный представитель своего времени.

идеологии.

Сознание современного человека явно ощутило себя в роли жертвы. Были подсчитаны погибшие, материальный ущерб от трех мировых войн и прочее. Естественно, стали искать виновного. Сначала под подозрение попала националистическая идеология, потом – коммунистическая. Здесь все вроде бы было понятно: лагеря, где в одних сжигали, а в других до смерти мордовали людей.

Думали, что третья – либеральная, точно уж совсем другая. Казалось, что она-то – вся «белая и пушистая»¹. Ан нет. После последних событий конца XX и начала XXI вв., времени, когда по пятам и этой разновидности демократии шли все та же разруха, голод и смерть, и в ней засомневались. С сожалением² стали констатировать, что либеральное государство на международной арене может быть таким же хищником без всяких нравственных устоев, как и фашистское – на национальной, или коммунистическое – на классовой. То есть вдруг обнаружилось, что она точно такая же тоталитарная, как две другие, только имеет несколько другой характер. И все. В интеллектуальной сфере об этом, например, свидетельствует прошлогодний скандал в связи с опубликованием в авторитетных либеральных журналах статей с заведомо абсурдными выводами, откровенно льстящими данной форме идеологии [2]. Таким образом, и по отношению к этой разновидности ложного сознания стало ясно, что ее так же ожидает как минимум «возбуждение уголовного дела».

Для полноты картины организации этого самого дела, естественно, не хватало последнего фигуранта. Жертва есть. Подозреваемый есть. Нужен детектив. Последний, для того чтобы достигнуть успеха, должен уметь (и это уже сто раз говорено) мыслить как преступник. Закономерно возникает вопрос: «Что же есть то, что мыслит как идеология?»

Мы мыслим то да се, пятое-десятое: горы, реки, богов и деревья. Но ничто из всего этого не есть «для себя». Ни одно из них не «о-со-знает». Все есть только «для нас», для нашего сознания. Да, говорит Гегель, наше сознание предполагает их (этих вещей) нечто «в себе» (сущность»). Но, к сожалению, и в данном случае это «в себе» суть все равно «для нас» (явление). Этот факт – источник трансцендентализма Канта.

Только тогда, когда мы мыслим не «пятое-десятое», а другое сознание, которое так же суть «для себя», мы мыслим феноменологически. Тогда и только тогда мы мыслим почти так же, как идеология. «Почти», что очень важно, потому что в данном случае мы имеем дело как с тождеством, так и одновременно с противоположностью этих двух «сестер» (двух сознаний), или, как сказал бы Ж. Деррида, мы мыслим их «различАние». Они друг в друге видят родственную душу,

Сознание, которое мы здесь исследуем с помощью нашего сознания, нашего «для себя», есть. Оно также существует «для себя». В.И. Коротких на материале гегелевской феноменологии детализирует взаимодействие этих моментов так: «Следует точно различать сознание автора и читателя (я предлагаю обозначать его как „наше сознание“, у Гегеля границы его „речи“ маркируются обычно с помощью

1 Изобретателями, кстати, учреждения под названием «концентрационный лагерь» в свое время были США и Англия — страны-основатели идеологии либерализма.

2 Ведь исчезла последняя надежда!

„wir“, „für uns“)¹. Сознание как предмет наблюдения (предлагаю обозначать как „само сознание“, в тексте его „голос“ отделяется с помощью „es“, „ihm“) и его „предмет“... Гегелевский текст как бы „прошит“ этими местоимениями» [12]. Отсюда-то и родится история романа феноменологии и идеологии, их «преступная» связь.

Детектив как форма понимания. Может показаться, что использование понятия «криминальный роман» (детектив) в качестве среднего термина между крайностями «феноменологии» и «идеологии» есть всего лишь литературный прием. Однако, весьма симптоматично то, что, во-первых, все три «жанра» исторически появились почти одновременно². Во-вторых, сам автор, говорящий о «прошито» моментами «для себя» и «для нас» классического феноменологического исследования, указывает на детектив [13, с. 360]. В-третьих, до В.И. Коротких и независимо от него П. Слотердаjk называет страсть к детективным историям «самой удивительной чертой нашей культурно-моральной ситуации» [22, с. 458]. И здесь же автор «Критики цинического разума» делает замечание, проясняющее смысл не столько криминального романа самого по себе, сколько финальную стадию взаимоотношения феноменологии и идеологии. «Хорошие детективные романы – все без исключения – осуществляют релятивизацию каждого отдельного преступления. Если сыщик – олицетворение Просвещения, то преступник должен быть, соответственно, олицетворением аморализма, а жертва – олицетворением морали. Однако эта схема регулярно не срабатывает... В предельном случае на сцену выводится преступник, который, выступая как бы в роли спровоцированного просветителя, лишь справедливо наказывает жертву за ее собственную аморальность» [22, там же].

В нашем случае, когда сложилось умозаключение «идеология (преступник) – современное сознание (жертва) – феноменология (детектив)», перенос ответственности произошел не в одну, а сразу в две стороны. Получили обвинения как жертва, так и детектив. Все три современные политические идеологии (либерализма, национализма и коммунизма) ускользают от возмездия оригинальным способом. Они перекалывают отрицательный смысл своего имени на феноменологию (!), то есть на детектива, на того, кто вроде бы предназначен был быть их разоблачителем и уличителем. «В традиции под рубрику идеологии стали попадать философские и метафизические системы как специфические онтологии, в качестве производных от различного рода структур. Обвинению в идеологичности подвергался и логический анализ (критика Гербертом Маркузе в „Одномерном человеке“ философии Л. Витгенштейна), несмотря на редукцию онтологических и гносеологических допущений в отношении субъективности и отсутствия этической проблематики. Если феноменологию Э. Гуссерля представители советского диалектического материализма трактовали как разновидность субъективного идеализма, то философия М. Хайдеггера, в основном в экзистенциальном аспекте,

1 Здесь неточность в редакции В.И.Коротких. В действительности он здесь имеет в виду: следует различать, с одной стороны, «сознание автора и наше сознание», и сознание как предмет феноменологии – с другой. То, что первые два сознания отличаются еще и в свою очередь, – особый предмет, который он рассматривает в другом месте.

2 По крайней мере – в одном столетии.

понималась как вариант буржуазного мистицизма. Гений К. Маркса сыграл и с ним самим злую шутку: К. Р. Поппер помещает его философию наряду с философиями Г. В. Ф. Гегеля и Ф. Ницше как лжепророков „тоталитарных идеологий” [25].

Автор этого фрагмента прав. Здесь верно констатируется факт «инфицированности» современных форм философии идеологией. Только автор не видит причины этого явления и не учитывает тот факт, что в данном случае мы имеем дело не с наивной или политической формами идеологии, а именно с последним, ее циническим вариантом.

Для понимания этой, как говорит П. Слотердаjk, «релятивизации» преступления, да еще и, как мы заметили выше, двойной, как в сторону жертвы, так и детектива, крайне важно выстроить логическое движение «лесенкой». Необходимо выяснить, как последовательно возникали друг из друга основные термины нашего умозаключения – главные фигуранты рассматриваемого «дела».

Сначала, и по времени, и по логике, появляется феноменология – сияющая славой немецкой философии, получившей за это титул «классическая». Здесь идеология разместилась внутри феноменологии в качестве наивного сознания. Затем – идеология, и позорное, начиная с Наполеона и Маркса, закрепление за нею титула «ложного, иллюзорного» сознания. Это – рождение идеологии как политической технологии, натворившей столько дел в предшествующем столетии. И только в конце выступает с моментом разоблачения самой себя (объявлением дефолта) ее циническая форма.

Главный вопрос, на который прежде всего следует найти ответ, сформулируем так: «Что в постановке задачи классической феноменологии было такого, что вызвало к жизни явление идеологии?»

Рождение идеологии. Однажды мы уже обращали внимание на «странное» замечание Г-Х. Гадамера о том, что начиная только с греков человечество «заметило» разность между словом и вещью [10, с. 7]. Сейчас мы отнесли это замечание в рубрику странностей, учитывая особый случай – открытие, на которое натолкнулась немецкая философия. Гегель во введении к своей «Феноменологии...», легко, как бы само собой разумеющееся, констатирует один важный факт. То же самое различие, которое сознание само по себе устанавливает по поводу «вещи для себя», мы вынуждены, и нам никуда от этого не деться, установить в отношении к самому сознанию. Этого не избежать как раз в том, и только в том случае, когда мы делаем его предметом для себя (случай феноменологии).

Здесь-то и появляется впервые понятие ложного сознания. Оно – это то, что есть сознание «для» феноменолога, в отличие от того, что оно есть «для самого себя». Это – первый смысл идеологии. Здесь «вина» за эту «ложность» пока лежит на «für uns» (для нас). Но суть науки феноменологии заключается в выяснении того, что есть сознание на самом деле. Сознание феноменолога пытается избавиться от момента «видимости» сознания как предмета. В процессе выяснения этого образуется понимание опыта сознания, когда, развиваясь, сознание из одной своей формы переходит в другую. Только, вот беда, последующая форма не знает своего происхождения из предшествующей. Это знает только сознание феноменолога. То

есть здесь объективно, но не для самого сознания (*fur ihn*), а для нас есть момент незнания, заблуждения.

Сознание обыденного человека начавшейся европейской истории в ежедневном опыте было погружено в конечное различие частных вещей. «РазличАние» как таковое было поручено философии. Историческая необходимость должна была рано или поздно привести ее к тому, что ответ на различие в природе вещей нужно искать в природе сознания. Именно это стало главной задачей Канта. Он даже хотел в названии первой части своей философии использовать титул «феноменологии». Так один из центральных фигурантов нашего криминального романа получил не только собственное имя, но и содержание.

Дальнейшее нетрудно было предсказать. К сожалению, изобретатель благозвучного слова «идеология» Дестют де Трасси даже не догадывался, что феноменология, чуть-чуть опережая продукт его творчества, вынуждена будет применить вышеозначенное «различАние» к сознанию. Оказалось, что сознание в своем опыте, имея дело с «в себе и для себя» вещью, само попадает под опыт сознания феноменолога. А тому ничего не останется, кроме как выделить в нем (ведь именно оно есть теперь его предмет) истинное (сущность) сознания и отделить от него, что очень важно, сознание как видимость, то есть – сознание не само по себе, а сознание для феноменолога. Второе – и есть та часть, которая получит с легкой руки К. Маркса название «иллюзорное, ложное сознание» идеологии.

Можно высказаться по поводу идеологии положительно в смысле «совокупности упорядоченных взглядов, выражающих интересы, ... и т. д.», можно – отрицательно: «превратное», «поставленное с ног на голову» сознание. Но более точное ее определение – это форма исторического бытия, когда одно сознание существует для другого сознания. И начинается идеология именно с того самого гегелевского замечания, что «за спиной» рассматриваемого в феноменологии сознания происходит нечто, чего оно не знает¹.

Бывает, исторические события рождаются по воле Бога, бывает – судьбы, «случается» – и по воле ничтожного случая. Но настоящим чудом является рождение события из духа философского произведения, сжатого в одну фразу. Мы подчеркиваем, что нижеследующее положение из гегелевской феноменологии, «застрявшее» в головах лучших мыслителей XIX в., вызвало во всемирной истории человечества невиданный доселе феномен идеологии – шиболет нашего времени².

В этом знаменательном месте, а именно в конце введения в «Феноменологию...», Гегель говорит о развитии своего предмета, которое он характеризует так: «Выступает и новая форма существования сознания, для которой сущность есть нечто иное, чем для предшествующей формы. Это-то обстоятельство и направляет всю последовательность форм существования сознания в ее необходимости. Только сама эта необходимость или возникновение нового предмета,

¹ Здесь П. Рикер – чистый гегельянец, предлагая тезис, что идеология «есть реальность, выявленная диагностически». Весь психоанализ имеет истоком эту же мысль.

² О которой проще сказать, чем «она не является, чем она есть на самом деле» [25].

который предстает перед сознанием, не знающим, как это происходит, есть то, что совершается для нас как бы за спиной сознания» [3, с. 53].

Наивная идеология. Для того чтобы смогло осуществиться такое сознание, которое что-то знает, но не знает самого главного, существенного в нем самом (происходящего за его «спиной»), должно быть сознание, которое это (то, что не знает первое сознание) знает. Таким образом, для отношения этих двух сознаний должно состояться распределение ролей. Одному быть особенным, другому – всеобщим; одному судьба быть ограниченным, другому – безграничным. Это – феноменология сама по себе. С. Жижек прав, утверждая, что «всякая идеология выступает каждый раз сразу же вместе со своей критикой» [8]. На следовании из одной формы в другую строится вся гегелевская «лесенка» гештальтов сознания, самосознания и разума.

Понятно, что первое, обусловленное сознание идеолога (как манипулируемого, так и манипулятора), нуждается в безусловном сознании. В гегелевском варианте – отношения сознания для себя и сознания для нас. Естественно, маркер «для нас» («für uns») выступает моментом, на который ложится вся тяжесть бытия всеобщего. Для самого сознания, которое не знает, что происходит за его спиной, остается момент легкого и безответственного бытия особенного. Здесь каждая форма сознания для нас поднимается по ступеням развития. Для себя же самой она – совершенно одинока. Для него нет никакой другой формы, никакого иного сознания.

Поразительного эффекта драмы достигает, например, М. Булгаков в романе «Белая гвардия», применяя разработанный в феноменологии метод «сознание для нас и для себя». На него обращают внимание исследователи литературы, казалось, не имеющие никакого отношения ни к философии, ни к идеологии. «Фактически, в романе "Белая гвардия" мы видим зеркало, в котором есть Михаил Булгаков 1918 года, изображенный в роли Алексея Турбина, и писатель 1922 года. Постепенно два различных "Я" Михаил Афанасьевич вел к общему знаменателю» [23, с. 28]. Жижек Славой, толкуя фильм «Золотой апельсин» Кубрика (1971), усматривает гениальность бетховенской «Оды к радости» в этой самой сдвоенности. Ее первую часть, с набившей оскоминой помпезностью, сопровождает вторая, смеющаяся над ней. Первую Жижек называет чистой идеологией, вторую – ее критикой, задача которой – разоблачение [8]. Напомним, «Ода» написана почти в то же самое время, что и гегелевская феноменология, где точно так же за одной формой следует разоблачение и переход в новую, с новым пониманием истины и, следовательно, новыми заблуждениями.

В начале XIX в. идеология, действительно, именно так себя и вела. Это способ бытия наивного ложного сознания. Особо обратим внимание на тот факт, что здесь непосредственность данного сознания составляет незнание того, что его критикой является противоположное сознание, которое за ним «следит», осуществляет «дознание». Первая часть бетховенской «Оды» не догадывается о существовании как второй части, так и сознания автора – исполнителя – слушателя. «Я» Алексея Турбина в романе «ни сном, ни духом» не ведает о «Я» Михаила Булгакова или о «Я» читателя. То есть, феноменологическое сознание рефлектирует в наивное, тогда как

обратная рефлексия не предполагается. Изменилась ли данная ситуация в начале XX в.?

Триумф идеологии. Судьба этого самого наивного сознания в гегелевской феноменологии была предрешена ее творцом. Ему, этому сознанию, изначально было предназначено достичь научного сознания автора, поднимаясь по лесенке ограниченных форм; потом – в науку логики и положительную философию природы и духа.

Правда, был еще один вариант: отрефлексировать обратно, в сознание автора. Не его ли имел в виду Гегель, завершая свои лекции по философии религии, загадывая контуры шиболета грядущей эпохи? [5, с. 333]. Но прежде чем приступим к толкованию самой возможности этой рефлексии второго этапа существования идеологии, вернемся назад, к этапу ее «наивности», и спросим: каким именно образом Гегель критикует иллюзорную картину мира, которую составляет о нем каждая форма сознания?

Возьмем для примера опыт «воспринимающего сознания». С одной стороны, эта форма возникла из «чувственного сознания». В этом смысле восприятие, не ведая своего происхождения, может быть подвергнуто отрицанию с точки зрения чувственной достоверности. Однако факт остается фактом: восприятие абсолютно равнодушно к этой критике. Для него просто нет предшествующей формы вообще!

С другой стороны, диалектика его развития рано или поздно приведет к опыту «рассудка» – третьей формы сознания как такового. Значит, в каком-то смысле рассудок так же есть критика восприятия. Но пока восприятие проверяет свою систему достоверности, для него нет никакого рассудка.

Наконец, с третьей стороны, абсолютным критиком идеологии восприятия выступает сознание феноменолога. Мы-то, наше сознание, знаем все не только о форме восприятия, но вообще обо всех ступенях, по которым восходит сознание как предмет феноменологии. Но и о нем, то есть о нашем, писателя – читателя, восприятии, пока оно чистое восприятие, оно не имеет никакого понятия. Таким образом, на этом, первом этапе, идеологическое сознание существует в изоляции простого «в себе и для себя» сущего. В него рефлектирует сознание автора, оно же отвечает на это холодным равнодушием.

Тем не менее, и двух десятков лет не прошло после смерти Гегеля, как случилось невероятное! Явным признаком обратной рефлексии стало обвинение, предъявленное самой философии – тому самому фигуранту, который раньше выступал только в моменте «для нас». Ее обвинили, ни много ни мало, в идеологичности – то есть в том, что она сама есть ложное сознание! К. Маркс и Ф. Энгельс в середине XIX в. уверенно, даже с какой-то едва скрываемой радостью, констатируют, что «теперь», наконец-то: «Мораль, религия, метафизика и прочие виды идеологии и соответствующие им формы сознания утрачивают видимость самостоятельности» [20, с. 25]¹.

В 1893 г. Ф. Энгельс, уже в конце жизни, еще более определенно высказывается

¹ Здесь классики коммунизма, говоря о ложном сознании, сами еще не осознают, что говорят от его же имени.

по интересующей нас теме: «Идеология – это процесс, который совершает так называемый мыслитель, хотя и с сознанием, но с сознанием ложным. Истинные побудительные силы, которые приводят его в движение, остаются ему неизвестными, в противном случае это не было бы идеологическим процессом. Он создает себе, следовательно, представление о ложных или кажущихся побудительных силах» [25, с. 462–463].

Это положение Энгельса стало основанием не только для всех идеологий, но и для всех феноменологий XX в. Отсюда следует, что сама по себе идеология как бы «расслаивается». С одной стороны, отрицательной, она остается «представлением о ложных силах», вызвавших ее саму к жизни. С другой, положительной, – она иной идеологии может «помочь» с разоблачением этих сил. В моменте «правильной» идеологии, то есть ее феноменологии, эти две стороны сливаются в одно. Это наглядный пример того, как конечное сознание само берет на себя бремя ответственности момента «для нас» (für uns).

Здесь сознание как предмет, уличенное феноменологом в ложности, в опосредовании его другим сознанием, атакует последнее (в ответ) указанием на то, что они вместе на самом деле опосредованы неким третьим. В этом пункте философские направления XX в. развернули целую палитру вариантов указанного «третьего». Оно суть что угодно, только не само сознание. Вышеприведенные цитаты из Маркса и Энгельса есть настоящее восстание, бунт идеологии против феноменологии, по ходу которого первая парадоксальным образом упрекает вторую в идеологичности.

Современные исследователи напоминают, что К. Маркс в отношении идеологии редко использовал понятие «ложное» сознание [1, с. 62]. Чаще всего он применял термин «иллюзорное», «перевернутое», «поставленное с ног на голову» сознание. Соответственно, оппозиция первому есть «истинное, правдивое» (что придает делу гносеологический оттенок). Тогда противоположность второму – «действительное, реальное». Последний вариант, нужный Марксу, рассматривает заблуждения сознания как онтологический факт.

В рамках гегелевской феноменологии данное различие не важно. Там, в упомянутом введении, достаточно разделения на «вещь в себе» («на самом деле») и «вещь такую, какой она кажется» (вещь для сознания). Это знаменитое парменидовское разделение на «знание» и «мнение». В коннотации смыслов этих изначальных для европейской истории «различий» звучит обязательная для всякого сознания процедура. Та самая, которую Фихте назвал «второе всеобщее основоположение»: Я полагает не-Я. Но это положение невозможно без первого (Я=Я) – положения свободы, суверенитета, а также третьего: Я = не – Я – положения истины (тождества противоположностей).

Маркс не случайно перемещает акцент с ложного сознания на иллюзорное. Феноменология, опрокинутая в бытие, есть не что иное, как история. Но, самое главное, факт «ложно-иллюзорного» сознания просто не возможен без отношения двух сознаний. Если верить Гадамеру, что только греки узнали упомянутое различие слова и вещи, то выходит, что до них ни одна эпоха не «сознавала» в точном смысле

этого слова. И началась европейская история, так же как гегелевская феноменология, с философской рефлексии в ложность обыденного непросвещенного сознания.

Теперь же, на закате этой истории, обратная рефлексия в ложность философского сознания феноменолога позволила одной форме идеологии совершить рефлексию в другие. Это явление всемирно-исторического масштаба!

Так, спустя сто лет после Гегеля, К. Маннгейм, наблюдая поздние, социализированные формы идеологии, вынужден признать тот факт, что, оказывается, каждая из них знает о существовании других. Они всматриваются друг в друга. Суть этого «всматривания» сводится к тому, что одна особенная форма стремится опосредствовать себя через другую. И, самое важное, каждая берет на себя роль, согласно феноменологическому «разведению», критики всех других, то есть берет на себя роль всеобщей формы. После «лестницы» не видящих друг друга конечных форм сознания все изменилось. Одно иллюзорное сознание само критикует все другие. Это – политическая идеология, которая относится к повседневному сознанию технически. Ранее нами этот феномен был назван «идеологией современного рассудка» [11]. Ю.Р. Селиванов предлагает именовать его «отчужденным от самого себя духом» [21].

Наиболее продвинулась в этом направлении, по словам К. Маннгейма, коммунистическая идеология. «Если консерватизм уже заклеил либеральную идею как простое мнение, то социализм разрабатывает в своем исследовании идеологии последовательный метод критики, который сводится к уничтожению утопии противника посредством выявления ее обусловленности бытием» [18, с. 130]. Напомним, идет 1929 год. Под «социализмом» венгерский социолог явно имеет в виду идеологию, основателем которой были Маркс и Энгельс. 11 января 1921 г. Оргбюро ЦК РКП(б) приняло постановление о создании института их имени. 31 марта 1923 г. пленум МК РКП(б) принял решение о создании Института Ленина. До их объединения в 1931 г. остается всего два года. То есть в то время, как либеральная и националистическая идеологии в этой части «дремлют», накапливая свою внешнюю определенность политической, экономической и военной мощи, коммунистическая форма идеологии сразу же взялась за «дело». И это при всем том, что только что закончилась гражданская война, в стране разруха, международная изоляция и т. д.

После гегелевского дескриптивного опыта, когда одна форма сознания возникала из другой, опыта «выявления обусловленности», которую не знало ни то, ни другое сознание, а знали только мы, события стали развиваться в ином направлении. Произошел качественный скачок в бытии «иллюзорного» сознания. Одна из трех идеологий «впереди планеты всей» начала мощную рефлексию в две других и, самое главное, в свой собственный источник – философскую феноменологию. В. Ленину и Г. Плеханову принадлежит инициатива возвращения положительного смысла как слову «идеология», так и словосочетанию «марксистская философия» (Маркс и Энгельс называли свои взгляды чаще всего «теорией»).

Особенно интересна здесь идея о привнесении «просвещенного» сознания в «передовое», но не знающего своих истоков, сознание пролетариата.

«„Социалистического сознания у рабочих и не могло быть. Оно могло быть привнесено только извне” ... Чтобы избавить теорию авангарда от обвинения в ереси, Ленин ссылался на одну из важнейших инстанций тогдашнего марксистского движения – на Карла Каутского, который говорил в журнале *Neue Zeit* 1901/02 гг. следующее: „Современное социалистическое сознание может возникнуть только на основе глубокого научного знания [...]. Носителем же науки является не пролетариат, а буржуазная интеллигенция. В головах отдельных членов этого слоя возник ведь и современный социализм, и ими уже был сообщен выдающимся по своему умственному развитию пролетариям [...]. Таким образом, социалистическое сознание есть нечто извне внесенное в классовую борьбу пролетариата, а не нечто стихийно из нее возникшее”»¹.

Эта идея, к которой мы позже вернемся, еще сыграет коварную роль, когда наступит время превратить сущность идеологии в банкрота. Пока ложное сознание переживает период расцвета и триумфа. Поэтому на парадокс, который содержался в вышеприведенных словах, тогда не обращали внимания даже сами их авторы.

Конечно, каждая политическая идеология стремится обзавестись собственной партией, собственным государством и образовать свой собственный горизонт цивилизации и культуры. Но это все (плюс, конечно, армия и флот) суть средства защиты, а не нападения. Для совершенствования ей нужна критика другой идеологии, благодаря которой только и происходит ее подлинная манифестация. Естественные и гуманитарные науки полностью контролируются ею. Е.С. Линьков прямо указывает на этот факт в докладе «Что такое идеология?»².

Ключевое слово в цитируемом фрагменте «Идеологии и утопии» К. Маннгейма – это способ уничтожения противника посредством выявления в его идеологии момента «обусловленности бытием». Наивная идеология для себя безусловна. В ней княжит, как мы уже говорили выше, обусловленность нашим сознанием. Для того чтобы «вырваться» из этой обусловленности, наивному сознанию ничего больше не остается, кроме как объявить себя и другие идеологии обусловленными бытием. А так как безусловного сознания в смысле непосредственности не бывает, то оно всегда выступает в роли жертвы. Но в этом-то и его вина. Непосредственному сознанию нужно знать себя обусловленным.

С. Жижек, толкуя загадочную продолжительность драки главного героя фильма «Чужие среди нас» со своим другом, который отказывается видеть вещи так, как они есть (без искажения идеологией), оставляет открытым вопрос: «Почему тот так держится за это искажение?» [8]. Но ответ содержится именно в этом пункте. Здесь мы имеем дело с сознанием, которое хочет знать себя обусловленным. Об этом ему говорят идеологии национализма (Де Гобино и Х.С. Чемберлен), коммунизма (К. Маркс и В. Ленин) и либерализма (Де Трасси и К. Поппер). И ему льстят эти разговоры.

Современные исследователи правильно констатируют данный, объединяющий

¹ Цит. по [17, с. 53].

² «По крайней мере, я ставлю в качестве провокационного вопроса, что не мешало бы заподозрить идеологическое отношение сознания к природным явлениям» [14].

все политические идеологии момент (обусловленность бытием). Более того, ими правильно формулируется главная проблема, которая в итоге погубит и эту ее форму. Оказывается, что как в марксистской, так и в постмодернистской традиции все равно остается открытым вопрос: кого следует «критиковать – либо структуры, которые определяют сознание, либо само сознание, встроенное в эти структуры» [25]? Это так. Но исходить из этого нельзя, потому что образуется «разрыв» в понимании первого и второго вида идеологии, плюс обходится стороной главный вопрос: как могло такое произойти?

Одни полагают эту обусловленность в национальном бытии (по происхождению), другие – в бытии общественно-исторических формаций (по труду), третьи – в социально-правовых отношениях (собственности). Но для критики каждой из них необходимо показать, что противник исходит из обусловленности несовершенного, неистинного бытия. Как мы говорили выше, без этого «исходного» разделения на «вещь в себе» и «вещь для нас» – скрепы, связующей всю историю западноевропейского сознания, – все равно не обойтись.

Наивное сознание, осознавая свою опосредованность бытием, поручает своей идеологии выявить для него эту самую обусловленность. Но это фактически означает передать вину другому сознанию. Последнее, в свою очередь, зная себя так же обусловленным бытием, вынуждено сравнивать себя с другой идеологией (которая знает о себе тоже самое). Но сравнение не бывает без различения. Оба сознания едины в знании, что бытие первично, они же – вторичны. Вроде бы здесь вина ложится на сторону идеологии. Но не тут-то было! Преступное сознание по определению невинно, так как именно оно указывает в качестве своего первоисточника на бытие. Проблема была бы здесь снята и дело закрыто, если бы не наличие рядом с одной идеологией другой, с которой нужно что-то делать. Остается одно: объявить ее «неистинной идеологией». Но как? Показать, что это сознание опосредствованно «неистинным бытием». «Показать» легко сказать. Каким именно образом? Здесь-то должна была подключиться особая наука, предметом которой является различие истинного и ложного сознаний. Поэтому все три политические идеологии как бы «вдруг» вспоминают о существовании феноменологии.

В одном месте П. Слотердаjk утверждает, что «...критика идеологий есть полемическое продолжение неудавшегося диалога иными средствами» [22, с. 48]. Но это не так. Из предшествующего анализа скорее следует обратное. Политическое, экономическое, наконец, военное столкновение идеологий в XX в. есть «полемическое» продолжение их неудавшегося диалога критик посредством феноменологии, когда каждая исходила из первичности бытия. Данное утверждение автора «Критики цинического разума» показывает, что он сам оказался в плену этих самых идеологий.

Последний акт драмы в рассматриваемом романе разыгрался на наших глазах. Упомянутый диалог критик крупнейших идеологий XX в. по определению не мог быть удачным. Причиной этого был все тот же тезис о первичности бытия, с одной стороны, и задача уничтожить противника посредством доказательства тотального опосредования его сознания бытием – с другой. Ни одна из них не могла достичь

своей цели, потому что все время ее сознание обнаруживало, что эту самую тотальность она должна построить средствами самого сознания. Биполярность проблемы, кого именно следует критиковать: либо структуры, которые определяют сознание, либо само сознание, встроенное в эти структуры, – сработала таким образом, что «мяч» ответственности покатился в обратную сторону.

Если, как утверждали В. Ленин и К. Каутский, просвещенное, или, как они его называли еще в начале века, «научное», сознание не может быть выработано самим пролетариатом (читай – бытием), а может только в него «привнесено» извне, то только теперь самая могучая идеология столкнулась с тяжелейшим испытанием. Нужно было попытаться ответить на вопрос: «Откуда берется это самое просвещенное научное сознание?» Хочешь не хочешь, стала вспоминаться ключевая фраза из гегелевской феноменологии, которая определяла свою задачу так: «Индивид имеет право требовать, чтобы наука подставила ему лестницу, по которой он мог бы добраться, по крайней мере, до этой точки зрения, чтобы наука показала ему эту точку зрения в нем самом» [3, с. 19].

Раз наука не берется из бытия, то остается вновь обратиться к возникновению ее из сознания. В 1955 г., за сорок лет до самоотрицания этой формы ложного сознания, на философском факультете МГУ закипели страсти по «основному вопросу философии» [9]. В самый разгар критики других идеологий посредством «опосредования бытием» была обнаружена активная роль человеческого мышления и вновь стала актуальной задача опосредования бытия сознанием.

Вот почему на жалобы наивного сознания (жертвы) о справедливом наказании идеологии (преступника) феноменологии XX в. напоминают ему о его собственной экзистенции. Суть этого напоминания вкратце сводилась к указанию на свободу выбора, отказавшись от которого обыденное сознание (приняв тезис о опосредовании себя бытием) позволило манипулировать собой той или иной идеологии. Но думать самостоятельно (из себя и для себя) – это привилегия сознания, составившего главный интерес немецкой философии. Не означает ли это возвращение к тому, от чего в середине XIX в. резко отклонилось историческое развитие, создав феномен идеологии? Так по законам классического детективного романа в конце расследования выяснилось, что жертва «не совсем жертва».

«„В убийстве повинен не убийца, а убитый” (Верфель). Это происходит и в тех фильмах, в конце которых комиссар в глубокой задумчивости идет по улице, сделав такое лицо, будто он страшно сожалеет о том, что ему удалось расследовать и это дело» [22, с. 458]. Подобный конец есть классика для детектива, но не для философии. Мы показали, как из одной точной фразы феноменолога родилась идеология, как она окрепла и в период своего расцвета, создав собственные феноменологии, противопоставила себя философии по всем пунктам. Идеология – настоящее инобытие философии. Уход в это инобытие был философии необходим, так же как и возвращение. Вывернув наизнанку философию, политические идеологии в борьбе друг с другом создали собственные феноменологии. Попытка объяснения сознания из структур, которые якобы определяют его (от классовой борьбы до языка), успехом не увенчались по той простой причине, что сознание идеолога-феноменолога

постоянно наталкивалось на самое себя.

Циническая идеология. Так появилась «странная», заключительная форма ложного сознания, то полагающая свою обусловленность бытием, то снимающая ее в моменте возвращения к идее суверенитета. Поведение его сильно напоминает образ жизни знаменитого афинского киника Диогена, который всей своей философией был отрицанием цивилизации Афин, но в то же время, отрицая, совершенно не мог существовать без нее. Но если античные киники, как пишет Гегель, «признали высшим благом независимость от природы» [4, с. 264], то здесь, после всех мытарств наивной и политической форм, возникает циническая идеология, объявляющая своим высшим принципом независимость от самой идеологии. А это знак возвращения не только феноменологии, но и философии как таковой к своим истокам.

Но и они возвращаются обновленными. Феноменология теперь должна понять метаморфозы идеологического сознания, произошедшие с ним за последние двести лет. Философия же расстается с частью знания о природе и духе, которая отходит в сферу компетенции естественных и гуманитарных наук. За ней остается определенность феноменологии, истории философии и науки логики. «Философия как наука наук завершена. Познание особенных форм природы и истории общества является теперь положительной наукой, а не философией». Е.С. Линьков, автор вышеприведенных строк [15], впервые приходит к этому выводу в 1984 г. [16], а П. Слотердаик только годом ранее (1983) фиксирует в наличной действительности третью, заключительную форму ложного сознания – циническую, просвещенную. Это совпадение не может быть случайным. За ним стоит сложный процесс рождения, расцвета и гибели современных форм идеологии.

Литература:

1. Баллаев А. Б. Проблема идеологии в творчестве Карла Маркса. *История философии*. 1989. № 3. URL: <http://www.philosophy.ru/iphras/library/iph3/03.htm> (дата обращения: 12.02.2019).
2. Воронин Н. Научный скандал года: ученые писали фейк-исследования, чтобы разоблачить лженауку. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-45751968> (дата обращения: 12.02.2019).
3. Гегель Г. Феноменология духа. М. : Наука. 2000. С. 495.
4. Гегель Г. Лекции по истории философии. URL: <https://www.litres.ru/fridrih-gegel/lekcii-po-istorii-filosofii/chitat-onlayn/page-4/> (дата обращения: 28. 02. 2019).
5. Гегель Г. Философия религии : в 2 т. М. : Мысль, 1975. Т. 1–2. С. 231.
6. Гуссерль Э. Философия как строгая наука. URL: <http://sophia.nau.edu.ua/2010-07-29-11-48-45/2010-07-29-11-55-07/72-2010-07-31-08-38-26/> (дата обращения: 12.02.2019).
7. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М. : Художественный журнал. 1999. С. 114.
8. «Киногид извращенца» («The Pervert's Guide to Cinema», реж. С. Файнс, 2006).
9. Ильенков Э. В., Коровиков В. И. Страсти по тезисам о предмете философии (1954–1955) М. : Канон+, 2016. С. 272.
10. Качуров Е. В. Тезис Парменида. *Гуманитарний часопис* : зб. наук. праць. Харків : ХАІ, 2009, №3. С. 7.
11. Качуров Е. В. Философия идеологии современного рассудка : дис. ... канд. филос. Наук : 09.00.11; Харьковский авиационный ин-т. Харьков, 1995. 161 с.

12. Коротких В. И. Русские переводы «Феноменологии духа» и проблема передачи гегелевской мысли в современном философском языке. URL: https://e-notabene.ru/fr/article_19825.html (дата обращения: 12.02.2019).
13. Коротких В. И. «Феноменология духа» и проблема структуры системы философии в творчестве Гегеля : монография, М. : Прометей, 2011. 383 с.
14. Линьков Е. С. Что такое идеология? URL: <http://vispir.narod.ru/lin2.htm> (дата обращения: 12.02.2019).
15. Линьков Е. С. Становление логической философии. *Гегель Г. В. Ф. Наука логики*. СПб. : Наука, 1997. С. 800.
16. Линьков Е. С. Всеобщая диалектика как основание и результат отношения мышления и бытия в философии Гегеля. *Вестник ЛГУ*. 1984. № 11.
17. Люкс Л. Два облика тоталитаризма. *Исторические исследования*. 2014. № 1. URL: www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/SchriftenreiheRuss1.html (дата обращения: 12.02.2019).
18. Маннгейм К. Идеология и утопия. С. 204. URL: <file:C:/Users/sed/Downloads/105691-www.libfox.ru.pdf> (дата обращения: 12.02.2019).
19. Маркс К., Энгельс Ф. Капитал. Критика политической экономии. *Собрание сочинений*. Т. 23. М. : ГИПЛ. 1960. С. 907.
20. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. 2-е изд. Т. 3. М. : ГИПЛ, 1955. С. 629.
21. Селиванов Ю. Р. Метод феноменологии духа: проблемы и перспективы : автореф. дис. на присуждение науч. степени д-ра филос. наук. М., 2005. URL: <http://cheloveknauka.com/metod-fenomenologii-duha> (дата обращения: 12.02.2019).
22. Слотердаjk П. Критика цинического разума. М. : АСТ М, 2009. С. 800.
23. Тинченко Я. Ю. Белая гвардия Михаила Булгакова. URL: <https://belaya-gvardiya-mihaila-bulgakova/1> (дата обращения: 12.02.2019).
24. Энгельс Ф. 14 июля 1893 г. Маркс К., Энгельс Ф. *Избранные письма*. М. : ОГИЗ, 1947. С. 536.
25. Юрьев Р. А. Проблема идеологии в контексте феноменологической традиции : автореф. дис. ... на присуждение науч. степени канд. философ. наук. Томск. гос. университет, Томск, 2007. URL: <http://cheloveknauka.com/problema-ideologii-v-kontekste-fenomenologicheskoy-traditsii> (дата обращения: 12.02.2019).

References:

1. Ballaev, A. B. (1989), “*Problema ideologii v tvorchestve Karla Marksa*” [“The problem of ideology in the works of Karl Marx”], *Istoriya filosofii*, No. 3, available at: <http://www.philosophy.ru/iphras/library/iph3/03.htm> (accessed 12.02.2019).
2. Voronin, N. *Nauchnyy skandal goda: uchenye pisali feyk-issledovaniya, chtoby razoblachit' lzhenauku* [Scientific scandal of the year: scientists wrote fake studies to expose pseudo-science], available at: <https://www.bbc.com/russian/features-45751968> (accessed 12. 02. 2019).
3. Gegel', G. (2000), *Fenomenologiya dukha* [Phenomenology of the Spirit], Nauka, Moscow, p. 495.
4. Gegel', G. *Lektsii po istorii filosofii* [Lectures on the history of philosophy], available at: www.litres.ru/fridrih-gegel/lektsii-po-istorii-filosofii/chitat-onlayn/page-4/ (accessed 28.02.2019).
5. Gegel', G. (1975), *Filosofiya religii* [The philosophy of religion], Mysl', Moscow, Vol. 1–2, p. 231.
6. Gusserl', E. *Filosofiya kak stroгая nauka* [Philosophy as a strict science], available at: <http://sophia.nau.edu.ua/2010-07-29-11-48-45/2010-07-29-11-55-07/72-2010-07-31-08-38-26/> (accessed 12.02.2019).
7. Zhizhek, S. (1999), “*Vozvyshennyy ob'ekt ideologii*” [“Sublime about the object ideology”], *Khudozhestvennyy zhurnal*, Moscow, p. 114.
8. «*Kinogid izvrashchentsa*» («The Pervert’s Guide to Cinema», Producer S. Fayns, 2006).

-
9. Il'enkov, E. V. and Korovikov, V. I. (2016), *Strasti po tezisam o predmete filosofii* (1954–1955) [Passion on theses on the subject of philosophy (1954–1955)], Kanon+, Moscow, p. 272.
 10. Kachurov, E. V. (2009), “*Tezis Parmenida*” [“Tezis parmenida”], *Gumanitarniy chasopys*, KhAI, Kharkiv, No. 3, p. 7.
 11. Kachurov, E. V. (1995), *Filosofiya ideologii sovremennogo rassudka* [The philosophy of the ideology of the modern mind], KhAI, Kharkiv, 161 p.
 12. Korotkikh, V. I., *Russkie perevody «Fenomenologii dukha» i problema peredachi gegelevskoy mysli v sovremennom filosofskom yazyke* [Russian translations of the “Phenomenology of the Spirit” and the problem of the transmission of Hegelian thought in modern philosophical language], available at : https://e-notabene.ru/fr/article_19825.html (accessed 12.02.2019).
 13. Korotkikh, V. I. (2011), «*Fenomenologiya dukha*» i problema struktury sistemy filosofii v tvorchestve Gegelya [“Phenomenology of the Spirit” and the problem of the structure of the system of philosophy in the works of Hegel], Prometey, Moscow, 383 p.
 14. Lin'kov, E. S. *Chto takoe ideologiya?* [What is ideology?], available at : <http://vispir.narod.ru/lin2.htm> (accessed 12.02.2019).
 15. Lin'kov, E. S. (1997), *Stanovlenie logicheskoy filosofii* [Formation of logical philosophy], *Gegel' G.V.F. Nauka logiki*. Nauka, St. Petersburg, p. 800.
 16. Lin'kov E. S. (1984), “*Vseobshchaya dialektika kak osnovanie i rezul'tat otnosheniya myshleniya i bytiya v filosofii Gegelya*” [“Universal dialectics as the basis and result of the relationship of thinking and being in the philosophy of Hegel”], *Vestnik LGU*, No. 11.
 17. Lyuks, L. (2014), “*Dva oblika totalitarizma*” [“Two faces of totalitarianism”], *Istoricheskije issledovaniya*, No. 1, available at : <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/SchriftenreiheRuss1.html> (accessed 12.02.2019).
 18. Manngeym, K. *Ideologiya i utopiya* [Ideology and Utopia], available at : <file:C:/Users/sed/Downloads/105691-www.libfox.ru.pdf> (accessed 12.02.2019).
 19. Marks, K. (1960), *Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii* [Criticism of political economy], *Marks K., Engel's F. Sobranije Sochinenij*, Vol. 23, GIPL, Moscow, p. 907.
 20. Marks, K. and Engel's, F. (1955), *Sobranije Sochinenij* [Collected Works], Vol. 3, GIPL, Moscow, p. 629.
 21. Selivanov, Yu. R. (2005), *Metod fenomenologii dukha: problemy i perspektivy* [Phenomenology of the Spirit Method: Problems and Prospects], available at : <http://cheloveknauka.com/metod-fenomenologii-duha> (accessed 12.02.2019).
 22. Sloterdajk, P. (2009), *Kritika tsinicheskogo razuma* [Criticism of the cynical mind, AST M, Moscow, p. 800.
 23. Tinchenko, Ya.Yu., *Belaya gvardiya Mikhaila Bulgakova* [White Guard of Mikhail Bulgakov], available at : <https://belaya-gvardiya-mihaila-bulgakova/1> (accessed 12.02.2019).
 24. Engel's, F. (1947), *14 iyulya 1893 g.* [July 14, 1893], *Marks K., Engel's F. Izbrannye pis'ma*, OGIZ, Moscow, p. 536.
 25. Yur'ev, R. A. (2007), *Problema ideologii v kontekste fenomenologicheskoy traditsii* [The problem of ideology in the context of the phenomenological tradition], Tomsk. gos. universitet, Tomsk, available at : <http://cheloveknauka.com/problema-ideologii-v-kontekste-fenomenologicheskoy-traditsii> (accessed 12.02.2019).

Eugeniy Kachurov, Svetlana Kachurova

DEFAULT OF IDEOLOGY

The article, for the first time ever, considers the phenomenon of the emergence and historical development of ideology, up to the full realization of this process. Some scientists call this moment of completion as «crisis», the others – as «doom». Considering one essential feature of modern ideology, we call it a «default». We are talking about its voluntary commitment to replace the philosophical knowledge that traditionally provided the European history of previous eras.

To understand this phenomenon, the fact of the relationship between ideology and phenomenology is defined as a matter of principle, which almost completely coincides with it in its subject matter. Both are engaged in consciousness. The nuances of their differences are rooted in the difference of theoretical and practical horizons.

Having raised the question of the emergence of ideology, the work comes to the conclusion that its cause is the classical German phenomenology (from Kant to Hegel). The same kinds of phenomenology that were created by ideology itself in the nineteenth and twentieth centuries have a qualitatively different character. All of them come from the «conditioning of consciousness by being», while the philosophical classics sought to «mediate consciousness as an object, with consciousness as a method». Such a sharp deviation of the various theories of knowledge of the last two centuries was caused exclusively by the practical orientation of ideological consciousness.

The use of the «crime novel» form in the article, which is indicated by both the researchers of the «false consciousness» and the researchers of phenomenology, made it possible to trace their interaction in dynamics. By exposing each other, ideologies «dragged» their own phenomenologies into this trial, which, in turn, unwittingly, were eventually forced to take the path of de-idealizing their own origins. So the course of this struggle has undergone significant changes in both phenomena.

The article for the first time considers its «naive», «political» and «cynical» forms as the stages of the development of ideology. Variants of the idea of a «consciousness that does not know what is happening behind its back» by G. Hegel, the concepts of K. Marx's «illusory consciousness» and P. Sloterdijk's theory of the «enlightened false consciousness» here serve as markers for distinguishing these stages.

As a result, it is stated that the default of modern ideologies in a positive way led to structural changes in the classical model of philosophical knowledge. Modern forms of phenomenology began to return to it, but in an updated form. The knowledge of positive sciences, which was previously included in all the historical systems of philosophy, is now excluded from it, and logic, history of philosophy and classical phenomenology, with a stable moment of de-ideologization of all types of false consciousness, become its main task.

Keywords: *ideology, phenomenology, detective, naive consciousness, default, cynicism.*

Євгеній Качуров, Світлана Качурова

ДЕФОЛТ ІДЕОЛОГІЙ

У статті вперше розглянуто феномен виникнення й історичного розвитку ідеології, аж до повної реалізації цього процесу. Цей момент завершення одні вчені називають «кризою», інші – «загибеллю». З огляду на одну істотну особливість сучасної ідеології ми називаємо його «дефолтом». Ідеться про її добровільно взяті на себе зобов'язання замінити собою філософське пізнання, яке традиційно забезпечувало європейську історію попередніх епох.

Для розуміння цього феномена як важливого визначено факт взаємин ідеології з феноменологією, яка майже повністю збігається з нею за своїм предметом. Обидві опікуються свідомістю. Нюанси їхньої відмінності закорінені в розбіжностях теоретичного й практичного горизонтів.

Поставивши питання про виникнення ідеології, доходимо висновку, що причиною її є класична німецька феноменологія (починаючи з Канта і закінчуючи Гегелем). Ті ж види феноменології, які були створені самою ідеологією в ХІХ і ХХ ст., мають якісно інший характер. Усі вони виходять з «обумовленості свідомості буттям», тоді як філософська класика прагнула «опосередковувати свідомість як предмет свідомістю як методом». Таке різке відхилення різних теорій пізнання останніх двох століть було викликане виключно практичною орієнтацією ідеологічної свідомості.

Використання в статті форми «кримінального роману», на яку вказують як дослідники «помилкової свідомості», так і дослідники феноменології, дозволило простежити їхню взаємодію в динаміці. Ідеології, викриваючи одна одну, «утягнули» в цей розгляд свої власні феноменології, які, своєю чергою, самі того не бажаючи, у результаті змушені були стати на шлях деідеологізації своїх власних витоків. Так під час цієї боротьби відбулися істотні зміни в обох феноменах.

У статті вперше розглянуто як етапи розвитку ідеології її «наївна», «політична» й «цинічна» форми. Варіанти ідеї «свідомості, яка не знає, що відбувається за її спиною», Г. Гегеля, концепції «ілюзорної свідомості» К. Маркса й теорії «освіченої помилкової свідомості» П. Слотердайка тут постають маркерами розрізнення цих етапів.

У підсумку сконстатовано, що дефолт сучасних ідеологій у позитивному плані призвів до структурних змін класичної моделі філософського знання. До неї стали повертатися сучасні форми феноменології, але в оновленому вигляді. Знання позитивних наук, що входило раніше в усі історичні системи філософії, тепер з неї виводиться, а логіка, історія філософії й класична феноменологія, зі стійким моментом деідеологізації всіх видів помилкової свідомості, стають її основним завданням.

Ключові слова: ідеологія, феноменологія, детектив, наївна свідомість, дефолт, цинізм.

Kachurov Evgeny – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy Faculty of Humanities of the National Aerospace University «Kharkiv Aviation Institute».

Качуров Євгеній – кандидат філософських наук, доцент, доцент кафедри філософії гуманітарного факультету Національного аерокосмічного університету ім. М. Є. Жуковського «Харківський авіаційний інститут».

e-mail: kachurove@mail.ru

Kachurova Svetlana – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy at Yaroslav the Wise National Law University.

Качурова Світлана – кандидат філософських наук, доцент, доцент кафедри філософії Національного юридичного університету імені Ярослава Мудрого.

e-mail: kachurove@mail.ru

Надійшла до редакції 11.02.2019. Розглянута на редколегії 18.03.2019.

Рецензенти:

Доктор філософських наук, професор, професор кафедри філософії Національного юридичного університету імені Ярослава Мудрого Калиновський Ю.Ю.

Доктор юридичних наук, професор, професор кафедри держави і права Національного юридичного університету імені Ярослава Мудрого Процюк І.В.

...Порой случается так, что от того, как произносит человек всего лишь одно слово, можно восстановить его, как говорит Хайдеггер, видение «картины мира». Мне довелось услышать подобное слово во время первой же встречи с Байрачным Кимом Алексеевичем, тогда он был заведующим кафедрой философии и, как выяснилось потом, не просто заведующим и даже не просто заведующим, занимавшим этот пост наиболее длительный период, но и человеком, во многом определившим дух кафедры философии. В далеком 1989 году он должен был решить: брать меня на работу или нет? Чтобы расставить все точки над «і», я сразу же признался, что, увы, в партии не состою, а из комсомола уже вышел по возрасту. Вот тогда-то, после неизбежной для того времени паузы, и прозвучало его ницшеанское, исходящее из глубин того, что как бы находится по ту сторону добра и зла, нейтральное: «Хорошо». Возьмите для примера фразу из первой книги Бытия: «И назвал Бог сушу землею, а собрание вод назвал морями. И увидел Бог, что это хорошо». Или вслушаетесь в тончайшие коннотации проговаривания того же слова в устах Андрея Горчакова во время его диалога с Доменико из «Ностальгии» Тарковского. И там, и там обнаружится один и тот же смысл, одна и та же суть, которую можно резюмировать так: «Пусть все идет так, как идет. И только это – хорошо!»

Неизменное «хорошо» Кима Алексеевича опять прозвучало спустя два года, когда на его предложение аспирантуры с моей стороны он услышал: «Immer bereit!» Причем, ставя человека перед выбором, он приветствовал этим словом вовсе не то, что был выбран именно тот дизъюнкт, который он сам бы предпочел. Здесь был важен выбор как таковой (где-то близко с этим живет смысл мусульманского «Иншаллах!» («ин ша'а Ллах» – араб. «Если пожелает Аллах»)). «Помогать не буду, но и мешать тоже. В первом случае: не хочу лишать тебя славы, деля ее с собой, во втором: пусть идет, как идет».

А еще через два года, когда диссертация была готова и нужно было определиться с оппонентами, он вновь четко формулирует дилемму, провоцирующую собеседника на

поступок, называемый выбором: «Тебе оппоненты какие нужны; так, для имитации, или по существу?» И опять не важен ответ, а важен сам выбор, с одной стороны, и то же самое неизменно звучащее с его стороны, вдогонку этому поступку: «Хорошо».

Однажды, в конце 90-ых, летом, в период отпусков, мне пришлось выполнять обязанности завкафедрой. Институт основательно ремонтировался. В одной из аудиторий, закрепленных за нами, во всю стену было огромное панно с изображением эволюции живой материи (как водится, от обезьяны до человека). И все бы ничего, да вот надпись под ним всякий раз вызвала во мне противоречивые чувства. Душа раскалывалась надвое, когда приходилось в этой аудитории «вещать» от имени философии. Хочешь не хочешь, но, подражая как древним, так и новым мыслителям, приходилось говорить от имени чего-то целого, завершенного, существующего в себе и для себя. Однако данная надпись (11-й тезис Маркса) гласила, что философы «лишь» объясняют мир, тогда как его надо якобы изменять. То есть в аудитории ежедневно проговаривалось одно, в то время как надпись на стене тут же превращала это говорение в словесный хлам; ведь «настоящее-то дело» где-то там, за ее стенами. Философия призывает к пониманию того, что происходит во Вселенной, идеология же предлагает что-то в ней переделать, перестроить и изменить. Но это разные вещи, диаметрально противоположные взгляды на одно и то же!

Николай Васильевич Нечипорук, нынешний ректор, относительно данного панно и надписи определил для нас альтернативу просто: «Решайте сами, убрать или оставить». С точки зрения идеологии (причем любой, не обязательно коммунистической), «оставить». С точки зрения философии, «убрать». В действие было приведено последнее. Так философия в ХАИ вполне материально и осязаемо избавилась от своего могущественного соперника – идеологии. А по выходу из отпуска, выслушав от сотрудников, ответственных за это «деяние», обоснование произошедшего, настоящий заведующий кафедрой и это событие кратко, в том же горизонте «Иниаллах», подытожил: «Хорошо».

Есть строчки, в точности выражающие формат общения, который Ким Алексеевич Байрачный всякий раз предлагал собеседнику. У классика они звучат так: нужно научиться смотреть на мир «как на луг в мае, как на луг, по которому ходят женщины и кони» (Бабель И. «Конармия», «История одной лошади»).

Качуров Євгеній Васильович, кандидат філософських наук, доцент, працює на кафедрі з 1989 р. відразу по закінченню філософського факультету Ленінградського державного університету. Був першим аспірантом кафедри, його науковим керівником був професор Байрачний К.О. Дисертація на тему «Філософія соціалізму» наробила свого часу багато галасу.

Качурова Світлана Володимирівна, кандидат філософських наук, доцент, по закінченню філософського факультету Ленінградського державного університету мала бажання працювати саме на кафедрі філософії ХАІ, але з певних причин на той час це було неможливо. Сліпий жереб у персоні завідувача кафедри Кіма Олексійовича зупинився на її чоловікові, Євгенієві Васильовичу, а Світлані Володимирівні прийшлося йти на кафедру філософії Харківського юридичного інституту.